

В. В. СТАСОВ

**ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ**

1

СЕРБОСЛОВЕНСКО

В. В. Стасов. Избранные сочинения в трех томах Том первый. Живопись. Скульптура. Музыка Редколлегия: Е. Д. Стасова, С. К. Исаков, М. В. Доброклонский, А. Н. Дмитриев, Е. В. Астафьев // Государственное издательство "Искусство", Москва, 1952
FB2: "rvvg ", 27 November 2013, version 1.0
UUID: D2BABA46-8A38-43BA-AEE5-7BC78002ABD1
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Васильевич Стасов

**Русская музыка в Париже и
дома**
(Музыкальная критика)

историк искусства и литературы, музыкальный и художественный критик и археолог.

Содержание

#1	0005
Комментарии	0010

В. В. Стасов

**Русская музыка в Париже и
дома**

(Письмо в редакцию).

М. г. Мне пишут из Парижа, что Падлу, известный учредитель общедоступных концертов (Concerts populaires), давал недавно несколько и русских сочинений: один раз увертюру Чайковского «Ромео и Джульетта», другой раз — «Камаринскую» Глинки. Обе пьесы были страшно ошиканы и освистаны. Я тотчас же подумал про себя: вот как туго двигаются вперед французы! Прошло 30 лет с тех пор, как Глинка и Даргомыжский, вообразив себе, что их сочинения могут понравиться в Париже, возили их туда с собою, исполняли в концертах и претерпевали жесточайшее фиаско. С тех пор сколько у нас воды утекло, воды самой грязной; сколько у нас народилось целых поколений, начинающих как будто бы что-то и понимать в музыке, а французы — ни с места, все при прежнем своем Верди, все при прежней своей Патти, и дальше ни с места. По крайней мере утешительно хоть то, что русские композиторы перестали ласкать себя какими-то удивительными надеждами, не хлопчут уже более о том, чтоб просвещать французов по музыкальной ча-

сти, и если их пьесы все еще исполняются и ошикиваются в Париже, то не они уже в том виноваты, не они их туда тащат, а сами французы, немногие из тех, что несколько более отесаны, стараются показать своим соотечественникам что-нибудь другое, кроме все одной и той же убогой итальянщины.

Но вот вопрос: как быть со здешними нашими «французами», которые, пожалуй, и здесь родились, и русскими числятся, а по вкусам музыкальным, по вкусам своим, по отчаянному непониманию всего, что выходит за пределы итальянщины или старинных объедков музыкальных, любого парижанина за пояс заткнут? Ведь послушать их, никакой новой русской школы музыки нет, да и быть не должно. Правда, усилиями долгих лет дело дошло до того, что они уже более не насмеются постыдным образом над Глинкой, как тургеневские Потугины прежнего времени, и даже милостиво допускают, что Глинка был человек, не лишенный дарования: но дальше этого они уже не согласны итти и затыкают себе уши на все, что появилось на свет после Глинки. Положим, не век же так дело оста-

нется: придут времена и получше, но та беда, что ждать-то приходится очень долго. Если понадобилось 30–40 лет на то, чтобы Глинку признали, — Глинку, одного из величайших гениев всей художественной истории, то сколько же времени понадобится на то, чтоб понять и признать таких людей, которые и сильно талантливы, но все-таки не одарены гением Глинки? Или уже лучше разом похерить всех этих талантливых людей — не надо их, дескать, нам, с нас довольно одного и Верди? Да, пожалуй, на это с удовольствием тотчас же согласились бы все эти (??) гг. Лароши, Ростиславы, Соловьевы, Званцевы, Карцевы и все, как их там зовут, со всеми их последователями и придакивателями, точно так же, как в свое время с удовольствием согласились бы похерить Глинку тогдашние Лароши, Ростиславы, Соловьевы, Званцевы и Карцевы — это поколение никогда не переводится. Но как быть тем, кто к их прекрасной компании и к их прекрасным понятиям не принадлежит; кто способен немножко посветлее и побольше понимать в новой музыке?

Мне кажется, надо только бодро итти впе-

ред и делать свое дело — все остальное придет само собою, потихоньку и понемножку. Нечего хлопотать о том, чтоб композиторы спускались до понятий публики: таким способом можно добраться до одного — до стоячего болота, да и какой же композитор на это согласится, кроме разве самых плохих или продажных? Пусть сама публика старается расти и подниматься до вышины талантливых людей, идущих вперед и не желающих повторять зады.

В прошлом и нынешнем году мы имели не раз перед глазами образчики того, как большинство публики мало способно сразу понимать талантливость опер, симфоний, увертюр и романсов новой русской музыкальной школы. На днях повторилось то же самое и в зале дворянского собрания, в концерте Русского музыкального общества: была ошикана, целою значительною фракциею публики, 2-я симфония г. Бородина, одно из самых могучих и капитальных музыкальных созданий нашего века. Какой же из этого вывод? Только тот, что все эти вещи слишком мало и редко у нас даются. Нельзя ожидать от публики слишком

большого развития. Надо, чтоб публика слышала их чаще и больше, — она к ним привыкнет и тогда, полюбив их и раскусив их, наконец, просто верить не захочет, что было когда-то время, когда можно было не понимать и не любить таких чудесных, таких простых, светлых и высокодаровитых вещей. Она просто хохотать будет. Кто знает, когда-нибудь очередь дойдет даже и до Парижа и нынешние свистки покажутся каким-то непостижимым идиотством.

1877 г.

Комментарии

Общие замечания

Все статьи и исследования, написанные Стасовым до 1886 года включительно, даются по его единственному прижизненному «Собранию сочинений» (три тома, 1894, СПб., и четвертый дополнительный том, 1906, СПб.). Работы, опубликованные в период с 1887 по 1906 год, воспроизводятся с последних прижизненных изданий (брошюры, книги) или с первого (газеты, журналы), если оно является единственным. В комментариях к каждой статье указывается, где и когда она была впервые опубликована. Если текст дается с другого издания, сделаны соответствующие оговорки.

Отклонения от точной передачи текста с избранного для публикации прижизненного стасовского издания допущены лишь в целях исправления явных опечаток.

В тех случаях, когда в стасовском тексте при цитировании писем, дневников и прочих материалов, принадлежащих разным лицам, обнаруживалось расхождение с подлинни-

ком, то вне зависимости от причин этого (напр., неразборчивость почерка автора цитируемого документа или цитирование стихотворения на память) изменений в текст Стасова не вносилось и в комментариях эти случаи не оговариваются. Унификация различного рода подстрочных примечаний от имени Стасова и редакций его прижизненного «Собрания сочинений» 1894 года и дополнительного IV тома 1906 года осуществлялась на основе следующих принципов:

а) Примечания, данные в прижизненном издании «Собрания сочинений» Стасова с пометкой «В. С.» («Владимир Стасов»), воспроизводятся с таким же обозначением.

б) Из примечаний, данных в «Собрании сочинений» с пометкой «Ред.» («Редакция») и вообще без всяких указаний, выведены и поставлены под знак «В. С.» те, которые идут от первого лица и явно принадлежат Стасову.

в) Все остальные примечания сочтены принадлежащими редакциям изданий 1894 и 1906 годов и даются без каких-либо оговорок.

г) В том случае, когда в прижизненном издании в подстрочном примечании за подпи-

сью «В. С.» расшифровываются имена и фамилии, отмеченные в основном тексте инициалами, эта расшифровка включается в основной текст в прямых скобках. В остальных случаях расшифровка остается в подстрочнике и дается с пометкой «В. С.», т. е. как в издании, принятом за основу, или без всякой пометки, что означает принадлежность ее редакции прижизненного издания.

д) Никаких примечаний от редакции нашего издания (издательства «Искусство») в подстрочнике к тексту Стасова не дается.

В комментариях, в целях унификации ссылок на источники, приняты следующие обозначения:

а) Указания на соответствующий том «Собрания сочинений» Стасова 1894 года даются обозначением — «Собр. соч.», с указанием тома римской цифрой (по типу: «Собр. соч.», т. I).

б) Указание на соответствующий том нашего издания дается арабской цифрой (по типу: «см. т. 1»)

в) Для указаний на источники, наиболее часто упоминаемые, приняты следующие

условные обозначения:

И. Н. Крамской. Письма, т. II, Изогиз, 1937 — «I»

И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. I, «Искусство», 1948 — «II»

И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. II, «Искусство», 1949 — «III»

И. Е. Репин и В. В. Стасов. Переписка, т. III, «Искусство», 1950 — «IV»

Указание на страницы данных изданий дается арабской цифрой по типу: «I, 14».

***«Русская музыка в Париже и дома.
Письмо к редактору».***

Напечатано впервые в 1877 году («Новое время», 11 марта, № 371).

26 февраля 1877 года в пятом концерте Русского музыкального общества под управлением Э. Ф. Направника была впервые исполнена II симфония А. П. Бородина. По словам Н. А. Римского-Корсакова, «симфония понравилась весьма умеренно», и друзья автора были недовольны несправедливо невнимательным отношением к ней публики («Летопись моей музыкальной жизни», изд. V, стр. 159).

Стасов, высоко ценивший А. П. Бородина как продолжателя дела М. И. Глинки и называвший его родным, впрочем, младшим братцем последнего (письмо к С. Н. Кругликову от 3 ноября 1890 г. — «Советская музыка», 1949, № 10, стр. 73), был крайне возмущен случившимся.

В письме на имя редактора «Нового времени», т. е. в данной статье, он выступил в защиту «богатырской», «гигантской», «русской 9-й симфонии», — как называл он ее в своих статьях и письмах, сравнивая с гениальной IX симфонией Бетховена (см., например, письмо к С. Н. Кругликову от 24 ноября 1885 г. — «Советская музыка», 1949, № 8, стр. 61). Попутно он коснулся здесь и других важных вопросов: воспитательного значения искусства, руководящей роли при этом композитора и т. д.

Уже в статье 1856 года «Первый концерт Концертного общества» (см. т. 1), а также и в ряде последующих работ, Стасов высказывался против «насильственного подлаживания под вкусы публики». В статье «Русская музыка в Париже и дома» он снова затронул эту тему: «Нечего хлопотать о том, чтоб композито-

ры спускались до понятий публики: таким способом можно добраться до одного — до стоячего болота... Пусть сама публика старается расти и подниматься до вышины талантливых людей, идущих вперед и не желающих повторять зады».

Это и подобные высказывания Стасова использовались иногда в порочных целях. Представители формалистического искусства утешали ими «непонятых» народом композиторов, говоря, что их поймут потомки. Однако между суждениями Стасова и его толкованием формалистами нет ничего общего. Мысль Стасова совершенно ясна: публика, воспитывавшаяся на плохих образцах музыкальных произведений казенной сцены и эстрады, должна дорасти до понимания национальных, реалистических, прогрессивных созданий новой русской музыкальной школы, таких, как симфония Бородина и другие. Таким образом, прикрывание подобного рода музыкантов высказываниями Стасова, этого подлинного трибуна народно-демократического искусства, есть недопустимая, гнусная клевета на него. Выступая на совещании деятелей

советской музыки в ЦК ВКП(б), А. А. Жданов указывал, что формалисты, объявляя себя «непонятыми», подкапываются «под устои настоящей музыки, они сочиняют музыку уродливую, фальшивую, пронизанную идеалистическими переживаниями, чуждую широким массам народа...» И рассуждения о том, что их поймут потомки, означают лишь «отрыв от народа» (Выступление на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б), 1948. — «Советская музыка», 1948, № 1, стр. 18).

Сам Стасов не раз говорил о формалистическом искусстве. Еще в первой своей статье «Музыкальное обозрение 1847 г.» он писал, что «для оркестра нет и не должно быть музыки просто как музыки, которая бы существовала без определенного содержания...» (см. т. 1). О музыкантах-формалистах говорил он и в работе «Искусство XIX века»: «И публика и критика пробовали возводить некоторых из их числа в великие таланты, чуть не в гении, — но эти искусственные усилия ни к чему не повели, и „великие композиторы“ оказывались „калифами на час“. Их очень скоро приходилось развенчивать» (см. т. 3).

Выступая в печати по поводу исполнения бородинской симфонии, Стасов попутно говорит и вообще о русском театральном-концертном репертуаре. Он снова и снова подчеркивает большое воспитательное значение русского музыкального искусства и обрушивается на русских «французов», которые «по вкусам музыкальным... по отчаянному непониманию всего, что выходит за пределы итальянщины или старинных обьедков музыкальных, любого парижанина за пояс заткнут».

«Итальянщина» — главный враг Стасова. В редкой своей статье он не задевает хотя бы попутно итальянских композиторов и исполнителей, греша подчас недифференцированным отношением к ним; в пылу задора в равной мере обрушивается на какого-нибудь Риччи и на итальянского народного композитора Верди.

Публикуемая статья представляет интерес и как лишнее доказательство осведомленности Стасова в вопросах текущей зарубежной музыкальной жизни. Внимательно следит он за судьбами русской музыки не только в сво-

ем отечестве, но и за границей, и в ряде статей делится с русской публикой имеющимися у него сведениями.

В статье «Русская музыка в Париже и дома» Стасов говорит об общедоступных концертах известного французского дирижера Жюля Этъена Падлу (Pasdeloup, 1819–1887), организовавшего в 1851 году «Общество молодых артистов консерватории», из которого в 1861 году возникли знаменитые «Общедоступные концерты классической музыки», существовавшие до 1884 года. Эти концерты впервые дали возможность широким массам услышать выдающиеся симфонические произведения классического репертуара и молодой французской школы — сочинения Визе, Массне, Сен-Санса, Лало и других. Они же познакомили парижскую публику и с новинками зарубежной литературы, в том числе с русской музыкой. Произведения Глинки, Балакирева, Бородина, Римского-Корсакова стали у французов особенно популярны.

Наконец, еще одна характерно стасовская мысль мелькает в публикуемой статье: это вера в блестящее будущее русской музыки, в

ее успех не только в России, но и за рубежом: «...когда-нибудь очередь дойдет даже и до Парижа, — пишет Стасов, — и нынешние свистки покажутся каким-то непостижимым идиотством».

Стасов не ошибся. Через 12 лет он имел возможность горячо приветствовать успехи русской музыки в том же Париже в связи с так называемыми «Трокадерскими концертами» 1889 года (см. статьи «По поводу всемирной выставки» в «Северном вестнике», 1889, NoNo IX–X и «Письмо к А. С. Суворину» и «Новые проделки г. Буренина» — обе в газете «День», 1889, 11 и 28 октября, NoNo 483 и 500)

М. П. Блинова